

Л. Н. МАЗУР

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСТОЯНИЯ КОЛХОЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Общественно-политическая активность советского крестьянства тесно связана с развитием колхозной демократии. От реализации демократических принципов в колхозном производстве зависит формирование гражданской позиции у крестьянина, и прежде всего чувства хозяина.

Важно определить, что же такое «колхозная демократия», и ответить на вопрос: почему она так и не получила развития на протяжении всей истории существования колхозов?

В. И. Ленин создал учение о социалистической демократии и считал задачу достижения подлинного народовластия основной в пролетарской революции. «Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся... переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма»¹. В настоящее время эта проблема встает с особой остротой.

Колхозная демократия — составная часть социалистической демократии. В 1935 г. был принят Примерный устав сельхозартели. К его подготовке непосредственное отношение имел И. В. Сталин. Колхозы ко времени коллективизации насчитывали уже десятилетнюю историю, имели некоторый опыт самоуправления. Большую роль в оформлении этого принципа играли традиции общинной жизни крестьян, существование таких институтов самоуправления, как сельский сход. В Примерном уставе колхозная демократия ограничивалась лишь сферой внутриколхозных отношений и имела в сущности формальный характер. В качестве основных выступали вопросы о структуре органов управления, периодичности общих собраний, выборности правления и председателя. Наличие названных составных подавалось как воплощение принципа демократии вне зависимости от их подлинной значимости. Но даже и в этих моментах наблюдалось нарушение демократических принципов (мы имеем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 204.

в виду прежде всего перевод должности председателя сельхозартели в номенклатуру райкома партии, предоставление последнему прав подбора, утверждения, а нередко и снятия председателя без учета мнения колхозников).

Сфера действия демократии, определенная в уставе, не распространялась на отношения колхозов с государством и ставила их в неравноправные условия, фактически в положение эксплуатируемых.

Представление о колхозной демократии только как об организации общественного управления хозяйствами с весьма ограниченными полномочиями утвердилось и в научных трудах. Так, Н. П. Павлов определяет это понятие как «организацию общественного управления делами колхозов, формы которой строятся исходя из принципов советской социалистической демократии»². Подобную трактовку дают также Ю. П. Денисов, В. Д. Полищук, И. В. Павлов и др.³ Они выделяют следующие признаки колхозной демократии: предоставление сельчанам определенных прав (на труд, на приусадебный участок, социальное обеспечение и т. д.); планирование развития своего хозяйства на основе государственных заданий; решение экономических и социальных проблем внутриколхозной жизни; построение органов управления на принципах демократического централизма. Все эти признаки практически повторяли Примерный устав 1935 г. и были во многом декларативными. В них прослеживается четкое указание на приоритет государства, а не самих тружеников в решении важнейших вопросов колхозного производства.

Подлинное полновластие колхозников не находится в противоречии с принципом государственного руководства коллективными хозяйствами. Между ними существует тесная диалектическая связь, основанная на общих целях. Однако до недавнего времени в научной литературе и на практике данный принцип понимался однобоко — как право государства (и даже как необходимость) вмешиваться в дела колхозов⁴. Тот факт, что это вмешательство осуществлялось административными методами и имело негативные последствия для развития сельскохозяйственного производства, исследователи не учитывали.

Указанная политика привела к тому, что интересы колхозников и государства часто не совпадали. Этому способствовало также насаждаемое в 30-е гг. отношение к крестьянам как к несоциалистическим элементам общества, имеющим ярко выраженные частно-

² Павлов Н. П. Колхозная демократия — действенное средство укрепления общественной собственности (1946—1970). Ижевск, 1984. С. 5.

³ Денисов Ю. П. Развитие колхозной демократии (1946—1970). Ростов н/Д, 1975. С. 4; Полищук В. Д. Развитие колхозной демократии. Саратов, 1972. С. 3; Павлов И. В. Развитие колхозной демократии в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962. С. 6.

⁴ Павлов И. В. Компетенция райисполкомов по государственному руководству колхозами. М., 1961.

собственнические интересы, которые следовало жестко ограничивать.

Государство поставило под контроль всю сферу сельского хозяйства, оставив колхозникам лишь право работать. Демократическая форма организации колхозов не вписывалась в централизованную систему государственной экономики. Это вело к выхолащиванию сущности колхозной демократии.

При всем этом нельзя не признать необходимость государственного регулирования аграрного производства. Однако эту политику необходимо строить на основе объективных законов, обязательном равноправии партнеров и с помощью экономических методов. Отказ от администрирования позволит колхозам и, соответственно, колхозной демократии подняться на совершенно новый уровень развития.

После Великой Отечественной войны положение сельского хозяйства было исключительно тяжелым. С 1940 по 1945 г. посевные площади в Свердловской области сократились на 20%, число трудоспособных колхозников — на 21,5%, поголовье лошадей — на 39%, свиней на 49,5%⁵. Значительно уменьшился машинный парк, 3155 из 4555 тракторов находились в изношенном состоянии и требовали замены⁶. Производственная база колхозов была серьезно подорвана. Многие хозяйства не могли обеспечить своих членов продуктами⁷.

В 1946—1950 гг. было принято большое количество постановлений и законов, направленных на подъем сельского хозяйства и увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции и затрагивавших практически все стороны деятельности колхозов⁸. В них отразился курс на экстенсивное развитие, главными чертами которого были: борьба за расширение посевных площадей и увеличение поголовья скота, совершенствование организации труда и работы МТС, проведение электрификации, укрепление кадров. Экстенсивный характер этой программы обусловлен и тем, что она исключала главный элемент интенсификации — человека, не создавала реальной заинтересованности колхозников в развитии производства, к тому же устанавливала завышенные планы, выполнить которые было крайне трудно, а порой и невозможно.

Чтобы определить сферу приложения колхозной демократии в послевоенный период, нам необходимо рассмотреть, какую роль она

⁵ ПАСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 234. Л. 1, 2, 5.

⁶ Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950). Томск, 1979. С. 23; ПАСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 234. Л. 7.

⁷ ПАСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 234. Л. 76.

⁸ Кроме упоминающихся ниже, в тексте статьи, дополнительно отметим: Постановление Совнаркома СССР от 8 февраля 1945 г. «О развитии сельской электрификации» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам М., 1968. Т. 3. С. 224—229; Постановление февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» // Там же. С. 381—427; Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» // Там же. 614—616; и др.

играла в осуществлении основных фаз деятельности сельскохозяйственной артели: планировании, производстве и распределении.

В § 4 Примерного устава сельскохозяйственной артели говорилось: «Артель обязуется вести свое хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственного производства... Артель принимает к точному исполнению: планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотбы, а также государственный план развития животноводства»⁹. В 1947 г. был введен порядок планирования, определявший размеры и структуру посевных площадей, урожайность по каждой культуре, численность и продуктивность всех видов скота, контрольные цифры по капитальному строительству, заготовке кормов и т. д.¹⁰

Перед каждой сельскохозяйственной кампанией местные, а порой и центральные органы издавали очередное постановление, которое имело силу закона и включало перечень мероприятий по агротехнике со сроками их исполнения, требованиями к качеству работ и обязательным указанием мер ответственности за невыполнение¹¹. Таким образом, роль самих колхозов в планировании сводилась только к исполнению предписанного свыше.

С 1947 г. в сельхозартелях области стали практиковать разработку планов работ на месяц¹², которые утверждались общим собранием и предусматривали текущие агрозоотехнические мероприятия. Эти производственные планы разрабатывались с учетом государственных. Об их выполнении хозяйства обязаны были отчитываться по специальной форме. Так, отчеты о ходе прополки, взмете паров и сеноуборке представлялись колхозами и МТС 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца, а во время заготовки кормов (с 10 июня по 1 ноября) отчитывались по 1, 11, 21 числам¹³.

Все это полностью сковывало инициативу колхозов. Доведенная до предела централизация руководства и планирования не могла учесть всех особенностей развития, что вело к серьезным упущениям. Очень ярко это проявилось в процессе введения севооборотов в 1946—1950 гг. Эта работа велась районными земельными отделами и качество ее было неудовлетворительным: допускались агротехнические ошибки, обследования земель нередко не производились, не всегда учитывались экономическая и природная специфика хозяйств¹⁴. Проекты севооборотов рассматривались на общих собраниях в колхозах. Часто свои замечания и претензии колхозники направляли

⁹ Примерный устав сельскохозяйственной артели. М., 1953. С. 6.

¹⁰ История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 73.

¹¹ Урал. рабочий. 1946. 3 апр.; 9 июня; 20 июня; 23 июня; 1948. 7 авг.; и др.

¹² ПАСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 223. Л. 148—149.

¹³ ГАСО. Ф. 1824. ОП. 1. Д. 1453.

¹⁴ Там же. Д. 1434. Л. 25, 33.

в земотдел, но далеко не всегда их там рассматривали¹⁵. Кроме того, сотрудники районного хозяйственного аппарата имели довольно низкий образовательный уровень, что также отрицательно влияло на качество планов и наносило большой вред производству¹⁶.

Особенно рельефно недостатки планирования проявлялись в ходе электрификации сельского хозяйства и в развитии животноводства.

Повышение энерговооруженности села было насущно необходимо. К выполнению этой задачи подключили весь промышленный потенциал области. Каждый сельскохозяйственный район имел своих шефов среди предприятий¹⁷. К 1950 г. построили 675 сельских электростанций, установили 7450 электромоторов. Была проделана огромная работа, но ожидаемой отдачи колхозы не получили. Низкое качество строительства привело к тому, что из 675 электростанций не работала 101. Из 2074 колхозов постоянно обеспечивались электроэнергией лишь 1550¹⁸. Кроме того, маленькие (на 30—40 кВт) станции были нерентабельны, и уже в 1952 г. их начали ликвидировать и строить более крупные¹⁹. На строительство же малых станций артели затратили около 127 млн руб. — так оценивалась общая стоимость работ²⁰. Положение колхозов усугублялось тем, что некоторые шестфазные предприятия при заключении договоров выдвигали непосильные условия, а счета, представляемые к оплате, были в ряде случаев завышены²¹. Многие хозяйства не имели средств для строительства, а воспользоваться ссудой из-за большой задолженности могли не всегда²².

Большие трудности переживало после войны животноводство. Принятый в 1949 г. трехлетний план его развития включал мероприятия по увеличению поголовья скота, улучшению породности, повышению продуктивности общественного стада²³. Намечаемые конкретные показатели не были реально обеспечены ни кормовой базой, ни помещениями, ни рабочими руками, ни специалистами. Главным средством выполнения плановых заданий по повышению численности поголовья являлась контрактация скота у населения. За счет внутреннего воспроизводства стадо росло незначительно, кроме того, ежегодно от бескормицы и плохого ухода гибло и вынужденно забивалось много животных. Так, в 1949 г. только по Верхне-Туринскому району пало 180 лошадей, крупного рогатого скота —

¹⁵ Там же. Л. 34, 35, 91.

¹⁶ ПАСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 160. Л. 3, 34.

¹⁷ Там же. Оп. 43. Д. 172. Л. 39.

¹⁸ Там же. Оп. 47. Д. 243. Л. 7—8.

¹⁹ Толмачева Р. П. Указ. соч. С. 66.

²⁰ ПАСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 172. Л. 45.

²¹ Там же. Оп. 41. Д. 131. Л. 103, 107; Д. 145. Л. 55; Урал. рабочий. 1948. 27 мая.

²² ПАСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 237. Л. 65; Д. 145. Л. 36.

²³ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3. С. 341—368.

890, свиней — 4625, овец — 2824. Подобная картина наблюдалась и в других районах области²⁴. Еще хуже стало в 1950 г., когда в связи с укрупнением колхозов ликвидировали мелкие и стали создавать крупные фермы, при этом еще острее сказались нехватка и недостаточная приспособленность помещений. Падеж скота по области в целом за первые 8 мес 1950 г. составил: крупного рогатого скота — 18 649 голов, овец — 33 640, свиней — 38 338; в том числе в июле — соответственно 1474, 3238 и 4548 голов²⁵.

Ниже запланированных были надои молока. В 1949 г. в среднем на одну фуражную корову надаивали 861, в 1950 — 823 л²⁶. Не выполнялись планы по строительству и механизации животноводческих помещений из-за недостатка средств у колхозов, а также нехватки необходимого оборудования и строительных материалов в снабженческих организациях²⁷.

Одной из основных причин слабого развития животноводства являлось отсутствие необходимой кормовой базы. При планировании заготовки кормов не принимались в расчет уровень механизации этого процесса и дефицит рабочей силы. В результате во многих хозяйствах часть сенокосов иногда оставалась невыкошенной. Фуражный фонд формировался по остаточному принципу. В 1951 г. обеспеченность кормами по области составила 65,5%, силосом — 46% от требуемого количества²⁸. В итоге трехлетний план развития животноводства выполнен не был, и главные причины этого — нереальность плановых заданий, отсутствие материальной заинтересованности у тружеников села.

Недостатки централизованного руководства тяжелым грузом ложились на экономику колхозов, истощали ее силы. Отсутствие самостоятельности в планировании тормозило развитие сельскохозяйственного производства.

Более широкие права были предоставлены хозяйствам в организации труда. Устав позволял колхозникам разрабатывать и утверждать нормы выработки и расценки в трудоднях, а также давал возможность для развития форм организации работы. Важным достижением было создание звеньевой системы труда, основанной на индивидуальной и мелкогрупповой сдельщине. Система предполагала закрепление за звеном, состоящим из 7—12 чел., определенных площадей, на которых оно работало в течение всего года, и оплату труда в соответствии с конечным его результатом. Это значительно повышало материальную заинтересованность колхозников.

До 1948 г. вопросы организации труда, нормы выработки и расценок широко обсуждались на колхозных собраниях. Внедрение

²⁴ ПАСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 252. Л. 9, 21, 50.

²⁵ Там же. Д. 27. Л. 23; Д. 131. Л. 144.

²⁶ Там же. Оп. 49. Д. 5. Л. 5.

²⁷ Там же. Д. 243. Л. 9, 21.

²⁸ Там же. Д. 11. Л. 6.

звеньевой системы наталкивалось на определенные препятствия (прежде всего, не хватало рабочих рук). В Свердловской области во многих колхозах на одного трудоспособного члена артели приходилось по 8—12 га посевных площадей (в Талицком районе) и даже — по 16—18 (в Гаринском, Ирбитском и др.)²⁹. В связи с плановым ростом этих площадей дефицит рабочей силы по области еще более обострялся. Так, в 1949 г. в среднем нагрузка на одного члена полеводческой бригады составляла 7,5 га; в 1950 — 7,4; в 1951 — 9,6; овощеводческой — соответственно 1,04; 1,21; 1,34 га³⁰. Положение усугублялось нехваткой тягловой силы и слабой механизацией производства³¹. Создать постоянные звенья в таких условиях было очень сложно, особенно когда почти одновременно требовалось вести и вспашку паров, и заготовку кормов, и уборку урожая, и обмолот. В 1949 г. из 3 730 имевшихся в области звеньев 75% в течение года распались, причем в Еланском и Зайковском районах не осталось ни одного, единицы сохранились в Ачитском, Ирбитском и Богдановичском районах³².

Права колхозов в решении вопросов организации и оплаты труда ограничили постановление Совета Министров СССР от 24 июня 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах»³³. Оно закрепило бригадно-звеньевую систему в качестве обязательного элемента и ввело примерные нормы выработки и расценки работ в трудоднях. Таким образом, и в этих вопросах самостоятельность колхозов была сведена к нулю. Если в некоторых сельхозартелях правления и общие собрания решали снизить нормы и повысить расценки, это квалифицировалось как нарушение устава и административно пресекалось³⁴. Такие меры вели к дальнейшему отчуждению крестьян от средств производства.

Полная зависимость колхозов от государственной политики проявлялась и в распределении произведенной продукции. В § 6 Примерного устава был установлен следующий порядок: 1) выполнение обязательств перед государством, возврат семенных и прочих ссуд, сдача натуроплаты МТС, уплата налогов; 2) создание семенных, фуражных, страховых фондов; 3) организация фондов помощи старикам-инвалидам и культурно-бытовых; 4) пополнение неделимых фондов, расходы на производственные нужды; 5) распределение оставшегося продукта по трудодням³⁵. Таким образом, по уставу

²⁹ Там же. Оп. 45. Д. 208. Л. 37; Д. 320. Л. 47, 95.

³⁰ Там же. Оп. 50. Д. 211. Л. 10.

³¹ Там же. Оп. 45. Д. 208. Л. 37.

³² Там же. Оп. 47. Д. 252. Л. 111.

³³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 469—488.

³⁴ ПАСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 244. Л. 65, 74; По данным колхоза «Свой труд» Богдановичского района, с нормами выработки справлялись не более 10% колхозников (ПАСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 323. Л. 9).

³⁵ Примерный устав... С. 9.

жизнеобеспечивающие фонды колхоза должны были составляться лишь после сдачи всех государственных поставок и уплаты налогов. Часть валовой продукции, отчуждаемая в виде госпоставок, натуроплаты, сельхозналога, по объему значительно превышала долю прибавочного продукта, создаваемого сельхозартелью. Об этом свидетельствуют бюджетные балансы хозяйств, данные об уровне обеспеченности семенным и фуражным зерном, о динамике стоимости трудодня. Доходы колхозов Свердловской области составили в 1940 г. 147072, в 1945 — 201230, в 1948 — 202911 тыс. руб., а расходы — 147096, 201296 и 203419 соответственно³⁶.

В 1951 г. убытки хозяйств достигли 2 419 тыс. руб. Если учесть, что используемые источники (годовые отчеты) могли быть фальсифицированы в сторону покрытия дефицита баланса, можно предположить, что убытки были гораздо больше³⁷.

Почти половина валового сбора зерна и основная часть продукции животноводства сдавались в виде госпоставок по ценам, не покрывавшим себестоимости (в 1950 г. заготовительные цены на зерно составляли лишь 1/7 всех затрат по его производству, а на мясо — 1,5% его розничной цены³⁸). Государство не возмещало расходов, а торговля через рынок была ограничена незначительным объемом того, что оставалось для продажи, а также постоянным увеличением плановых заданий, что вело к убыточности колхозного производства. Закономерен в этих условиях рост числа хозяйств, не выполнявших плана поставок. В 1950 г. более 1/4 колхозов области были отстающими, в этот разряд попадали целые районы: Ирбитский, Гаринский, Тугулымский, Ачитский и др.³⁹

Одним из важнейших показателей состояния колхозного производства является оплата трудодня. В колхозах начиная с довоенного времени она менялась следующим образом*:

Год	Деньги, руб.	Зерно, кг	Картофель, кг	Овощи, кг	Сено, кг
1940	0,6	1,95	0,12	0,12	0,12
1946	0,8	0,53	0,07	0,07	0,56
1949	0,65	0,95	0,06	0,07	0,76
1950	0,48	1,15	0,08	0,17	0,24

* ПАСО. Ф. 4. Оп. 50. Д. 211. Л. 30.

Как видим, по размерам стоимости трудодня уровень 1940 г. не был достигнут даже к 1950 г. При абсолютном росте доходов хозяйств произошло снижение данного показателя, что было след-

³⁶ ПАСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 222. Л. 17.

³⁷ Там же. Оп. 50. Д. 211. Л. 21.

³⁸ Толмачева Р. П. Указ. соч. С. 132.

³⁹ ПАСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 8. Л. 25.

ствием увеличения доли отчуждаемого государством продукта⁴⁰.

Игнорирование материального стимулирования в развитии трудовой активности колхозников — один из больших недостатков аграрной политики послевоенных лет. Доходы от коллективного хозяйства составляли в бюджете крестьян незначительную часть. Их кормило в основном личное подсобное хозяйство⁴¹. В это время ясно прослеживалась тенденция к уходу колхозников из общественного производства. Увеличивалось число тех, кто не выработывал минимума трудодней. По Свердловской области их насчитывалось в 1949 г. 6 257 чел., в 1950 — 4 744, в 1951 — 6 303.росло количество крестьян, которые не выработали ни одного трудодня⁴². Все больше колхозников уходило на промышленные предприятия. Причем до 80% выбывших были оформлены через оргнабор, остальные мигрировали стихийно⁴³. Для того, чтобы задержать людей в колхозах, применялись административные меры: наиболее распространенная — невыдача справок, дающих право на получение паспортов⁴⁴. В 1948 г. был принят специальный указ, направленный против колхозников, не выработавших минимума трудодней, в 1947 — указ о награждении орденами тружеников сельского хозяйства. Подобные действия, как и постановление «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», не могли привести к заметному успеху.

Как было сказано выше, по остаточному принципу формировались семенной и фуражный фонды колхозов. В результате обеспеченность семенами в большинстве хозяйств не соответствовала потребности. В 1946 г. она составляла в среднем по области 60—80%, в 1950 — 92,7. В 564 артелях недоставало 95 тыс. ц зерновых⁴⁵. Еще хуже дело обстояло с семенами картофеля и трав. Хозяйства вынуждены были закупать семена или снижать норму высева.

Таким образом, ясно прослеживается нарушение закона простого и расширенного воспроизводства. Принципы, на которых было построено распределение произведенного продукта, не учитывали интересы самих производителей. Колхозы были отстранены от решения и этого вопроса.

Кризис сельского хозяйства в первые послевоенные годы — прямое следствие экономической политики того времени, направленной на выкачивание средств из колхозов путем полного их подчинения и сверхцентрализации. Именно с этой политикой связано полное свертывание колхозной демократии в рассматриваемый период. Она

⁴⁰ Там же. Оп. 50. Д. 211. Л. 30.

⁴¹ История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 35.

⁴² ПАСО. Ф. 4. Оп. 50. Д. 211. Л. 9.

⁴³ История крестьянства СССР. Т. 4. С. 148.

⁴⁴ Там же. С. 149.

⁴⁵ ПАСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 238. Л. 99—106; Оп. 47. Д. 252. Л. 28.

была задавлена сверху всей системой административного воздействия.

19 октября 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»⁴⁶. В советской исторической литературе эту кампанию принято рассматривать как свидетельство восстановления демократических основ⁴⁷. Только по Свердловской области колхозам были возвращены 94 745 га земли, выявлены 300 незаконно взятых лошадей и более 400 коров⁴⁸. Отмечалось такое распространенное явление, как поборы с колхозов в виде сельхозпродуктов, скота, денег районными и областными работниками советского, партийного и хозяйственного аппарата. В одном лишь Манчажском районе этим занимались около 200 функционеров⁴⁹. Таково было повсеместное проявление характера взаимоотношений государства и колхозов, полной зависимости последних от административно-бюрократического аппарата.

Очень часто хозяйства продавали сельхозпродукцию различным лицам и организациям по низким ценам. Наличие двух уровней цен в колхозном производстве (государственных и рыночных) давало большую возможность для злоупотреблений. Была вскрыта большая дебиторская задолженность колхозам области, достигшая в 1946 г. 10 млн руб.⁵⁰

Для выявления нарушений устава были созданы 1673 комиссии, в которые вошли руководящие работники районов, инструкторы райзо, землеустроители, агрономы, зоотехники, председатели и члены сельсоветов, лучшие колхозные счетоводы и иногда ревизионные комиссии колхозов⁵¹. В ходе работы комиссий вскрывались картины все новых нарушений, особенно в землепользовании. Какие цели преследовала эта кампания?

Приведенные выше данные убедительно показывают, что Примерный устав защищал интересы государства, а не крестьян. Это выражалось в ограничении колхозов в правах владения и распоряжения основным средством производства — землей, лимитировании размеров личного подсобного хозяйства, приоритете государства в сфере планирования, производства и распределения продукции⁵². Нарушения устава были закономерны, так как он не отвечал интересам крестьянства. В состав комиссий колхозники не включались. В подавляющем большинстве случаев комиссия просто знакомила

⁴⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 336—341.

⁴⁷ История крестьянства СССР. Т. 4. С. 75—76.

⁴⁸ ПАСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 7. Л. 30, 32.

⁴⁹ Там же. Л. 73.

⁵⁰ Там же. Л. 47.

⁵¹ Там же. Д. 235. Л. 210, 220.

⁵² Уставы колхозов практически не отличались друг от друга и были целиком переписаны с Примерного устава.

общее собрание с результатами проверки, и то не всегда, порой не было даже обсуждения. Проверка отличалась часто формальным характером, иногда меры по ликвидации нарушений не принимались⁵³.

Основное внимание комиссии уделяли вопросам землепользования, и это неудивительно, так как государственные поставки и налоги начислялись в зависимости от размеров земельных площадей, закрепленных за колхозами. Здесь выделялись два момента. Во-первых, захват земель под приусадебные участки. В 1946 г. излишки последних имели 11 832 колхозных двора, в 1947 — 16 691⁵⁴. Стихийный рост приусадебных участков объяснялся тем, что, как уже говорилось, при низкой стоимости трудодня повышалась роль личного хозяйства в обеспечении сельчан продуктами. Характерно то, что в некоторых местах, например, в Ленском районе, проверка приусадебных участков была превращена в их передел. Так, в колхозе им. Сталина изъяли часть усадеб, не превышающих размеры, разрешенные уставом⁵⁵. Во-вторых, во многих хозяйствах практиковалась сдача исполу частным лицам или организациям сенокосов, а иногда их продажа или обмен на технику, мешки, горючее и т. д.⁵⁶ Это было обусловлено тяжелым положением колхозов, нехваткой рабочей силы и техники для полного использования сенокосов и необходимостью вступления в обменные отношения с предприятиями для решения проблем снабжения хозяйства промышленной продукцией. За подобное «растраниживание сенокосов» председатели привлекались к суду.

Существующее законодательство лишало колхозы права распоряжения землей. Они могли только увеличивать земельный фонд, сокращение его, а тем более сдача в аренду категорически запрещалась. Это приводило к тому, что земля использовалась не полностью и некачественно. В послевоенные годы прослеживается общая тенденция роста нарушений земельного законодательства. В 1947 г. по области были выявлены такие нарушения на площади 1 474 га, в 1948 — 9 551, в 1949 — 12 478⁵⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о недемократическом характере борьбы с нарушениями устава — как по форме, так и по содержанию. В целом она не защищала интересы колхозов, и ее жертвами порой становились те, кто пытались по-хозяйски управлять артелями.

Проявление колхозной демократии принято связывать с деятельностью общих собраний и выборностью руководства. Отсутствие эко-

⁵³ ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1434. Л. 6, 10, 16, 21, 23, 60, 63—69; ПАСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 131. Л. 57.

⁵⁴ ПАСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 172. Л. 168; Оп. 41. Д. 7. Л. 31.

⁵⁵ ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1434. Л. 32; ПАСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 146. Л. 5.

⁵⁶ ПАСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 322. Л. 44, 57, 140; Оп. 47. Д. 244. Л. 1—3, 8, 63, 65, 73,

81.

Там же. Оп. 47. Д. 131. Л. 54.

номической самостоятельности у колхозов вело к полному игнорированию мнения их членов по хозяйственным и социальным вопросам, к сокращению дееспособности органов управления сельскохозяйственным производством. Невозможность что-либо изменить рождала пассивность, внимание колхозников переключалось на личное хозяйство, чувство хозяина, издревле присущее крестьянину, умирало.

Позиция крестьян проявлялась, в частности, в периодичности общих собраний, их посещаемости, обсуждаемых вопросах, отношении к местным руководителям. В годы войны колхозные собрания проводились нерегулярно, практически не было перевыборов правлений и председателей, не действовали ревизионные комиссии. В ходе борьбы с нарушениями устава на это обращалось особое внимание. В 1947 г. областной комитет ВКП(б) принял особое постановление «О проведении отчетно-выборных собраний в колхозах»⁵⁸. Для помощи в подготовке годовых отчетов и собраний в колхозы направлялись представители советских и партийных органов, в райкомах проводились инструктивные совещания председателей колхозов, семинары с секретарями парторганизаций.

В этот период общие собрания собирались в среднем пять—шесть раз в год. Наибольшая посещаемость была на отчетно-выборных, где по уставу требовалось присутствие 2/3 колхозников. В 1950 г. в среднем по области на них являлись 76,4%⁵⁹.

На собраниях обсуждались: вопросы организации труда, агротехнические мероприятия; работа председателя колхоза и правления. Наконец, «утверждались» планы, социалистические обязательства, отчеты правления, ревизионной комиссии, а также бюджеты. В среднем в 1950 г. в прениях на отчетно-выборных собраниях выступили 12,1% присутствовавших колхозников, главным образом это были бригадиры, заведующие фермами, члены правления. Выступления рядовых артельщиков звучали редко⁶⁰.

В целом позицию крестьянства можно охарактеризовать как пассивную. Зачастую все собрание ограничивалось прочтением очередного постановления и единодушным его одобрением⁶¹. Активность проявлялась порой при перевыборах председателей. Роль их в колхозном производстве была очень велика, и сельчане подчас боролись против навязывания чужих и за снятие несправившихся. В 1950 г. в области сменились 376 председателей (18%), работу правлений в 564 хозяйствах (26%) оценили как неудовлетворительную, ревизионных комиссий — в 716 (33%)⁶². Были случаи, когда колхозники вопреки рекомендациям райкомов настаивали на выборе «свое-

⁵⁸ Там же. Оп. 43. Д. 248. Л. 32; Оп. 47. Д. 249. Л. 6.

⁵⁹ Там же. Оп. 47. Д. 131. Л. 67; Д. 249. Л. 156.

⁶⁰ Там же. Д. 244. Л. 13; Д. 249. Л. 156.

⁶¹ Там же. Оп. 43. Д. 223. Л. 190—193; Оп. 47. Д. 244. Л. 13; Д. 252. Л. 49.

⁶² Там же. Оп. 47. Д. 249. Л. 156.

го председателя»⁶³; принимались на собраниях и решения, признаваемые впоследствии вредными, противоречащими установленным правилам⁶⁴. При общей пассивности и незаинтересованности крестьян в них продолжало жить стремление к более хозяйскому использованию имеющихся ресурсов.

Приведенные данные показывают, что в послевоенные годы возможности колхозной демократии практически не реализовывались. Главной причиной этого было полное ограничение хозяйственной самостоятельности колхозов. Однако сама жизнеспособная суть этой формы управления не была уничтожена до конца.

⁶³ Там же. Оп. 41. Д. 235. Л. 32, 48; Оп. 47. Д. 244. Л. 67; Оп. 49. Д. 159. Л. 53—54.

⁶⁴ Там же. Оп. 47. Д. 244. Л. 65, 74; Оп. 49. Д. 246. Л. 112.